

Калашникова Е.Б.

НЕ

ШКОЛЬНЫЙ
РОМАН

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Екатерина Борисовна Калашникова

Не школьный роман

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51831873

SelfPub; 2020

Аннотация

Эта книга о школьной дружбе, которую пятерым подружкам удалось пронести через всю жизнь... Содержит нецензурную брань.

Посвящается мои школьным подружкам

«Ззз-з-з-з...» – телефон назойливо вибрировал и в конце концов выдернул-таки меня из теплых лап крепкого сна... «Блин, опять Манька...» – досадливо покосилась я на экран. Отчаявшись дозвониться, подруга написала длинную несуразную эсэмэску, которую мне трудно было разобрать со сна без привычных линз.

«Привет, Катюш, извини, что беспокою тебя в праздники. У нас опять сломался водопровод. Если можешь, пришли, пожалуйста, 80 рублей, а то я не могу вызвать мастера, а запас воды кончился. Извини, что побеспокоила».

За окном приветливо светило радостное испанское солнце. Досада от раннего пробуждения постепенно сменялась привычной жалостью...

В маленьком сельском поселении N-ской области проснулись неумытые Манькины дети, побежали по морозу во двор до ветру...

Старший сын Митька сейчас в армии, несказанно счастлив, ну еще бы: выдали хорошие сапоги, да и вообще одежду неплохую, теплый бушлат. Кормят от пуза, и поспать утром можно аж до 7 часов – не жизнь, а малина. Сестрам без него несладко, скучно, тяжело по хозяйству, да и жестоки деревенские дети к городским новичкам.

Я вдруг вспомнила, как появилась в нашем классе в сере-

дине года сама Манька – маленькая, бледная от испуга...

– Ха! Новенькая! – плотоядно облизнулся Здор, хамоватый детина-переросток, которого, похоже, боялись в школе даже учителя.

– Вот, познакомьтесь, это Мария – дочь нашей преподавательницы математики, – вынес ей приговор наш классный. Что может быть хуже в школьной судьбе, чем участь дочери училки?

Худенькая запуганная большеглазая девочка была полной противоположностью Натальи Михайловны, статной властной математички, недавно оформившей развод с вечно пьяным, бесхребетным Манькиным отцом – сварщиком.

В учебе новенькая не блистала, инстинктивно закрывала голову руками, когда кто-то из учителей начинал слишком уж живо жестикулировать в процессе урока, стоя рядом с ней.

На переменах новоиспеченная одноклассница робко подходила к нашей веселой компании, нервно теребя концы школьного фартучка, и тихо стояла рядом, молча улыбаясь фривольным шуткам, которые в юности казались нам невероятно остроумными.

Накануне Нового года, когда к безобидной тихоне привыкли даже самые приставучие мальчишки, и период подколов благополучно миновал, школу облетела сногшибательная новость: скромница из 9-го «В» убежала из дома и живет в общежитии пэтэушников с «мужиком».

Учителя картинно закатывали глаза и разводили руками, ученики восхищенно свистели и возбужденно перешептывались. Манькин побег обрастал невероятными подробностями. Фигурировали там и бородатые дагестанцы, получившие заказ воровать невест из Урюпинска, и загадочный маньяк, которому приглянулась молоденькая жертва. Снежный ком сплетен грозил остановить учебный процесс.

Математичка попыталась штурмовать полуразрушенное здание, призвав на помощь своего нового мужа и районного участкового, но потерпела неудачу.

Разбитные пэтэушники, похожие разом и на дагестанцев, и на маньяков, лихо препрыгивали «невесту» из комнаты в комнату, не оставляя незванным спасителям никаких шансов.

Вскоре начались долгие зимние каникулы. Урюпинск замело снегом. Как-то вечером в дверь ко мне постучалась закутанная в платок заплаканная Наталья Михайловна.

– Катя, помоги мне, – не свойственным ей молящим голосом обратилась ко мне математичка с порога, – вы с Машей, говорят, подруги, пожалуйста, поговори с ней, попроси вернуться домой.

Насчет подруги преподавательница сильно загнула, но я согласилась пойти с ней в общагу, больше из любопытства. Кроме того, меня прельстила роль «миротворицы».

В студенческое общежитие я прошла довольно свободно и спокойно постучала в комнату 29, дверь которой, в отличие от соседних, разбитых и грязных, была аккуратно выкраше-

на белой краской.

– Не заперто, входите! – услышала я веселый мужской голос.

Быстро справившись с некоторым волнением в душе, я распахнула дверь и вошла в прибранную крохотную комнату.

Манька была здесь, непривычно улыбающаяся и румяная. Моя миссия показалась мне невероятно простой.

– Приветик, – мягко начала я разговор, скаля зубы, как «мошенница на доверии».

– Здорово! – дружелюбно отозвался симпатичный парень с ямочкой на подбородке, сидящий на диване.

– Катюш, чайку? – радушно предложила моя новая подруга. – Я так тебе рада!

В этот момент я почувствовала себя довольно гнусно. За моей спиной маячила тень Натальи Михайловны, которая ждала меня на морозе. Передо мной сидела ее сияющая блудная дочка с весьма приятным молодым человеком, и вопрос о возвращении домой казался мне сейчас совсем неуместным.

Мы мило поболтали о том о сем, попили чаю, и вскоре я засобиравлась восвояси. Напоследок я все-таки решилась дипломатично спросить Маньку о маме. Ее реакция меня ошеломила. Спокойное и благостное лицо подружки перекосила гримаса, она вдруг зарыдала в голос. Бойфренд метнулся

к ее бьющемуся в рыданиях телу и крепко прижал к себе, знаком показывая мне, что пора выметаться. И только вслед мне неразборчиво крикнул:

– А ему передай, что еще раз сюда сунется – убью на хер!

Я рванула по лестнице сломя голову, ничего не понимая, и попала прямо в руки математичке.

– Ну что там? – заглядывая мне в лицо, спросила безутешная мать.

– Э-э-э, – невнятно промычала я, – похоже, что она к вам не вернется.

* * * * *

Незаметно вслед за холодной зимой пришла холодная весна. История Маньки в школьной жизни отошла на второй план, так как начались привычные дворовые войны, бессмысленные и беспощадные. Шли 90-е годы кровавого XX века. Еще не было компьютеров и мобильных телефонов, да что там компьютеры, не открылись даже первые видеосалоны. Толпы озлобленных подростков бесцельно скитались по улицам в поисках приключений. Родители их, сломленные крушением СССР, старались выжить на руинах разбитых заводов и фабрик или просто тупо спивались, не выдержав испытаний «новой жизнью»...

Город был разделен на зоны, которые контролировали молодежные преступные группировки. С наступлением темноты улицы вымирали. Редкие прохожие торопились попасть домой до встречи с «османятами», сторонниками крими-

нального авторитета Османа, который жил на окраине города, и «Куневой» – бандой из центра.

Подростки приобщались к блатной культуре отсидевших родителей, очаровываясь романтическими песнями из зоны и обычаями уголовников.

Частенько из дворов доносились звуки гитары с жалостливыми напевами типа:

«Голуби летят над нашей зоной,
голубям нигде преграды нет,
как бы мне хотелось с голубями,
мама, на родную землю улететь...»

Однако зачастую обычаи требовали испытания кровью. В дворовых сражениях стенка на стенку в ход шла железная арматура. Против этой силы никто не мог устоять в одиночку.

Шел март, приближались выпускные экзамены. Учителя лихорадочно пытались впихнуть школьную программу в одурманенные гормонами мозги своих незадачливых учеников. Но у подростков на первом месте были другие интересы. Они соревновались, кто круче и блатнее.

Я полюбила вечерами сидеть у Маньки в общаге, и нередко оставалась у нее ночевать, когда Гришка, тот самый «мужик» с ямочкой, работал в ночную смену. Новая подружка оказалась интересной собеседницей, и время с ней пролетало незаметно. Я помогала ей готовить на огромной общей кухне нехитрые обеды. Кроме того, приносила ей из школы

задания, и мы частенько проводили время за уроками.

В тот день Гришка возвращался домой пораньше, хотел, наверное, успеть на поздний ужин и поболтать с нами, пока мы еще не уснули. А в банде Османа проходила инициация новых членов. Обряд посвящения заключался в том, чтобы выбрать прохожего и нанести ему удар железной арматурой.

Гришка не боялся тринадцатилетних сопляков, он отслужил в десанте и владел всеми приемами рукопашного боя. Поэтому когда хилый шестиклассник на темной улице пропищал ему сакраментальное: «Дядя, дай закурить!», он только благодушно улыбнулся, готовясь ответить отказом. И даже когда из темноты показались фигуры других молокососов, уже с железными прутьями в руках, он не напрягся. Жизнь не готовила его к схватке с детьми.

Опытным глазом Гришка выцепил в толпе заметный силуэт Османа и на ощупь ударил его, как учили в армии. Осман взвизгнул от неожиданности и дико закричал: «Бейте его, суки! Убейте его! Иначе я вас всех замочу!!!» Зверь в образе человека страшно кричал и беспорядочно в темноте наносил удары по малолеткам. Градус всеобщего ужаса нарастал. Малолетние убийцы, испугавшись угроз пахана, хаотично били по Гришке. Наконец кто-то из жителей микрорайона вызвал милицию. Машина осветила фарами место побоища.

Османа еще долго не могли оттащить от мертвого Гришки, он все долбил и долбил его метровым железным прутком по тому месту, где была голова, обдавая кровью своих по-

дельников...

* * * * *

Наилу Османову, главарю банды «османят», дали 15 лет строгого режима. На суде многочисленные родственники громогласным хором на все лады расхваливали его судье, говоря, какой он хороший муж, отец, внук и брат... Сидя в клетке, Осман победно улыбался. Его жестокое восточное лицо с широкими скулами не выражало ни капли раскаяния.

Со стороны жертвы на скамеечке в зале суда сиротливо сидели какая-то малоизвестная тетушка, Гришкин начальник цеха да пара друзей. Маньку страшно рвало все три дня, которые длился суд. Маленький Митька у нее в животе не давал покоя.

Остальным убийцам на момент преступления не исполнилось 14 лет, поэтому все думали, что они не несут уголовную ответственность и отделаются в лучшем случае постановкой на учет в милиции. Их судили в другой день, чтобы не сталкивать с главарем. Я поймала себя на мысли, что жалкие хлюпающие малолетки с бритыми головами вызывают только сочувствие.

До момента, пока не начал выступать Гришкин адвокат. Он был молодой и так же, как Гришка, отслужил в десанте. Во время выслушивания ходатайств, которые подали адвокаты подследственных, его стиснутые губы выдавали сдержанную ярость. Когда судья предоставил начинающему юристу слово, то он с помощью медэксперта доказал, что даже если

бы Осман не бил несчастного по голове, то Гришка все равно умер бы от болевого шока, вызванного 11 ударами железными прутьями, которые нанесли ему малолетние преступники. Во время чтения приговора в зале воцарилась полная тишина. «Детишки» отправились в колонию для несовершеннолетних на 10 лет. Звуки истерических рыданий их родителей звучат у меня в ушах до сих пор.

Однако больше всего меня волновала судьба Маньки. По идее, она должна была вернуться к матери, но этого не произошло, и вот почему.

Пока шло следствие по этому громкому делу, милиция невольно отвлеклась от участников другой молодежной банды – соперников «османят». Конкуренты, пользуясь тем, что банда противников была обезглавлена, стали занимать территорию рабочего поселка, и постепенно все владения Османа перешли к «Куневе». Концепция этой группировки немного отличалась от жестокого правления Наила. Главарь «Куневы» по кличке Зеленый был категорически против «мокрух» и прочей бесполезной жестокости. Он занимался мелким рэкетом и разнообразным мутным шахером-махером. Авторитет руководителя банды держался на другой его суперспособности.

Кличка Зеленый была понятным братве эквивалентом имени Гена. Гена в юности получил уникальный опыт неслышно пробираться в дома со спящими людьми.

При этом он, конечно же, не упускал случая что-то своро-

вать, но его манией было просто пробираться в дом ночью и смотреть на спящих. Ужас, который чувствовали неверные братки, когда Зеленый оставлял метку зеленкой на одежде или лице спящего, не поддается описанию.

Таким образом, ему удавалось держать своих подчиненных в узде. После задержания Османа Зеленый решил помочь семье Гришки «по понятиям». Как-то ему удалось оставить Маньку в общежитии, и братаны подкидывали ей денег, отобранных у богатых. Зеленый любил играть в Робин Гуда, и у него была даже целая философия на этот случай. После рождения Митьки он повадился сам проверять, как живет Манька и не нуждается ли она еще в чем-либо.

Я сначала с энтузиазмом взялась помогать Маньке с новорожденным сыном, но потом, честно говоря, меня затащили хлопоты поступления, а вечно орущий, писающийся Митька, как и затурканная Манька, постоянно занятая стиркой пеленок и кипячением бутылочек, не способствовали хорошей подготовке.

Кроме этого, мне не нравились братки, которые крутились вокруг «святого семейства». Я раздражалась и не понимала, почему подруга не обратится за помощью к своей маме.

Потом меня завертела своя жизнь, и на какое-то время Манька выпала из поля моего зрения. Я уехала в столицу и узнавала о жизни родного города по невнятным слухам от знакомых.

Однако помню, что довольно сильно удивилась, когда еще

не прошло и года после смерти Гриши, а Манька уже родила от Зеленого Тоньку.

Ну не мне ее судить, так как одной малолетней мамашке в те времена было не выжить, это достоверный факт.

Вскоре Зеленого, несмотря на все его робингудские замашки и нечеловеческие способности, все-таки посадили. Слышала я, что один из тех, кого Гена грабил ночью, внезапно проснулся и увидел вора, а так как был он не робкого десятка, уйти у Зеленого шансов не было. Успел он только повиснуть на балконе третьего этажа. Обозленный ограбленный рубанул ножом по вцепившимся в дерево скрюченным пальцам вора. Зеленому повезло, он упал в сугроб, а вот пальцы с тех пор не гнулись... В спасительном сугробе этом его и скрутили подоспевшие милиционеры.

А еще говорили, что за Манькой стал ухаживать следователь, который вел дело ее «крокодила».

И вот в какой-то момент детей у Маньки стало трое, и она сменила свою красивую благозвучную фамилию на смешную фамилию следователя – Ковшик.

* * * * *

Шли годы, новости о Манькиной нелегкой жизни доходили до меня через вторые или даже третьи уста. Ковшик неплохо зарабатывал и двигался по служебной лестнице, но оказался самодуром и часто распускал руки. Не раз видели знакомые Маньку то с фингалом под глазом, то с разбитой губой.

Тоньке было лет 12, когда из мест заключения вернулся Зеленый. Как оказалось, все эти годы Манька посылала ему в зону «грев»: чай и сигареты. Удивлению Ковшика не было предела. С трудом могу представить себе его реакцию на поведение любимой супруги.

После возвращения Зеленого у Ковшика с ним началась настоящая война. Майор бил Зеленого при каждом появлении, тот шел в отделение и снимал побои. Вскоре у милиционера начались серьезные проблемы на работе, в результате чего Манька попала в больницу со сломанными челюстью, ребрами и разорванной селезенкой. Зеленый забрал всех детей к своим родственникам. Ковшик провел военную операцию, пытаясь забрать у уголовника свою дочь Лизу, но потерпел неудачу. У Гены тоже нашлись какие-то рычаги влияния, так как криминал с правоохранительными органами тогда сросся где-то на высоком уровне в одно целое.

На этом фоне битва следака с уголовником приобрела непредсказуемый характер. В итоге Ковшика уволили из органов, и он пьяный утонул в ванне, а Зеленый, как оказалось, подхватил на зоне туберкулез в активной форме и заразил часть Манькиных детей. На фоне всех передрыг у него развилось легочное кровотечение, и вскоре он отбыл вслед за своим соперником на кладбище Урюпинска.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.